

Глава 5: Змеи

Гарри быстро понял, что змеи – создания бродячие. Кхаса не задержался подолгу, как и его преемник Ксенос. Каждый из них пробыл с Гарри около полугода, и за это время мальчик сильно к ним привязался – сильнее, чем когда-либо привязывался к любому человеку. Змеи были гораздо лучшими «людьми», чем настоящие люди, решил он; неслучайно в языке змей не было слова «урод».

Конечно, у них имелись другие неприятные слова, но отсутствие этого одного было достаточно, чтобы убедить Гарри: в целом, змеи превосходили людей по моральным качествам. Они мало что понимали в человеческих заботах и проблемах, и Гарри предпочитал это – общение с маленькими созданиями служило ему отдушиной от мрачной повседневности.

Змеи проявляли к нему ту доброту, которой никогда не знал от людей, принимали его без осуждения, с невинностью, на которую, как был уверен Гарри, люди не способны. Ему нравилось их общество больше всего на свете – ничто так не радовало его, как беседы с ними, когда он стоял на коленях в саду тети Петунии и выпалывал сорняки, или их умелые рассказы, которые он слушал, сидя на траве и обедая. Змеи были лучшими рассказчиками; особенно ловко владел речью Кхаса.

- Три дня шел непрерывный снегопад, а ветер только изредка пролетал легкими дуновениями, лишь нашептывая что-то никому, – повествовал змей. – Поистине великолепное зрелище!

Но не в этом суть, верно? Ибо несмотря на безмятежность в этом бесконечном лесу, на моем пути стояла та упрямая гадюка, мой враг. Она была крупнее, быстрее, и со стороны могло показаться, что у меня нет шансов победить. Поражение казалось неминуемым. Но постороннему наблюдателю было не ведомо, что я-то гораздо хитрее.

Видишь ли, я не только заметил обилие снега и отсутствие ветра, но и сообразил, какое стратегическое преимущество мне дали погодные условия. Достаточно было лишь стукнуть хвостом по стволу молодой тисовой рощицы – и огромный поток снега с ее вершины обрушился на землю, где застыла моя противница, готовая к атаке. Она мгновенно оказалась погребена под снежной лавиной, а я ускользнул невредимым. Так что, Гарри, запомни: не бойся отсутствия силы, когда у тебя есть ум.

Оказалось, жизнь змей полна приключений: охота на мелких грызунов и убегание от хищных птиц, не говоря уже о сражениях с другими змеями. Но Кхаса и Ксенос были молоды, и через несколько месяцев их запас рассказов иссяк.

Тогда Гарри заметил их вялые движения и резкие перепады настроения; с течением времени они становились все более рассеянными и отстраненными. В конце концов стало ясно, что они не могут больше оставаться с ним – им не по пути было столь долго задерживаться на одном месте; они должны были идти своей дорогой, а Гарри было суждено оставаться взаперти – днем в классе 5а, а по ночам в чулане под лестницей на Тисовой улице, 4.

Он не станет отрицать – когда Кхаса впервые ушел, он был сокрушен горем. Ему еще не доводилось испытывать ничего подобного боли от потери друга, и он совсем к этому не был готов. Но, убеждал он себя, стал лучше от этого опыта.

Он сделал еще один шаг на пути к тому, чтобы стать настоящим человеком, а не просто «уродом», ведь теперь узнал ту боль, что, казалось, преследовала всех нормальных людей. Это не был страх быть загнанным, не чувство собственной ничтожности – это была боль утраты, общее бедствие человеческой расы.

Горе всегда было для Гарри загадкой – он не вполне понимал этого чувства. Часто его мысли обращались к пострадавшим лицам персонажей из мыльных опер тети Петунии – он запоминал эти обнаженные эмоции, а закончив домашнюю работу и вернувшись в свой чулан, предавался этим воспоминаниям, упиваясь незнакомыми ощущениями, столь искусно переданными актерами.

Гарри был хорошо знаком с болью. Он осмелился бы сказать, что интимно знаком с нею, но на самом деле, все было глубже. В выражениях лиц блондина и блондинки с телевизионного экрана, оплакивавших свою четырехлетнюю дочь, таилось нечто большее. Они знали то, чего не знал он.

Гарри знал и одиночество, боль отсутствия. И все же, на лицах присутствующих на похоронах было запечатлено нечто иное. Была некая важная составляющая, ускользавшая от Гарри, некое общее человеческое переживание, достаточно обычное, чтобы профессиональные актеры могли воплотить его на телеэкране, но столь глубокое, что его полный смысл постоянно ускользал от мальчика.

Но теперь он понял. Уход Кхасы оставил в груди Гарри зияющую рану – глухую тоску и гнетущее чувство безысходности – осознание того, что он обрел нечто прекрасное, но никогда его больше не будет. Кхаса не вернется.

Появление Ксеноса залечило эту рану, но не до конца. Это было уже другое. Присутствие Ксеноса излечило недуг одиночества, но не стерло горя. И тогда Гарри понял, что друзей нельзя заменить, урок, который он, несомненно, запомнит навсегда.

<http://tl.rulate.ru/book/105065/3741893>